

УДК 811.512.211'373.231

DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.003

Р. Г. Жамсаранова

ЭВЕНСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В СВОДЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ИМЕННИКА ХОРИ-БУРЯТ

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия

Благодарность

Печатается при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-012-00335А «Словарь исторической антропонимии хори-бурят».

Аннотация. В статье описывается гипотетическое наличие эвенских личных имен в историческом именнике хори-бурят, извлеченных из ревизских описей Государственного Архива Забайкальского края. Целью статьи является описание эвеноязычных личных имен в своде исторического именника хори-бурят. Это имена, которые ни лексически, ни по своему значению не коррелируют с тибет-монгольскими именами хори-бурят. Данные имена представляют собой ожидаемый в исторической антропонимии бурят антропонимический субстрат, подтверждаемый и обусловленный алтаеязычной общностью тунгусо-маньчжуроязычных эвенов и монголоязычных бурят. Актуальность и новизна статьи обусловлена отсутствием работ по исследованию антропонимического субстрата в своде исторического именника. Вводятся в научный оборот исторические антропонимы, извлеченные из дореволюционного фонда Государственного Архива Забайкальского края. Антропонимическим материалом послужили имена типа Ламханов, Номоконов, Иркыту, наличие которых почти во всех 11 родах хори-бурят обусловлено этногенезом бурят с наличием в том числе и тунгусо-маньчжурских компонентов. В качестве основных результатов приведены доводы в пользу эвенского антропонимического субстрата в именнике бурят, который выписан из ревизских описей. Анализ значения имен Ламханов, Номоконов, Иркыту, равно как и лексемный анализ, позволили отнести их к именам эвенского происхождения.

Ключевые слова: *антропонимы эвенского языкового происхождения, Ламахан и Номокон(ов), Ирки / Иркыту, хори-буряты, исторические имена, Государственный архив Забайкальского края, ревизские описи.*

R. G. Zhamsaranova

EVEN PERSONAL NAMES IN THE HISTORICAL NAME LIST OF THE KHORI-BURYATS

Transbaikal State University, Chita, Russia

Acknowledgement

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00335A “The dictionary of the historical anthroponymic system of the Khori-Buryat”.

Abstract. The article describes the hypothetical presence of the Even personal names in the historical name list of the Khori-Buryats extracted from the census documents of the State Archive of Zabaykalsky Krai. The article aims at describing the Even personal names in the historical name list of the Khori-Buryats. These names, which neither lexically nor in their meaning correlate with the Tibetan-Mongolian names of the Khori-Buryats, are of another linguistic origin. These names represent the anthroponymic substratum expected in the historical anthroponymy of the Buryats, confirmed and condi-

tioned by the Altai-speaking community of the Tungus-Manchu-speaking Evens and Mongolian-speaking Buryats. The relevance and novelty of the article is due to the lack of research works on the anthroponymic substratum in the historical name list. Historical anthroponyms extracted from the pre-revolutionary fund of the State Archive of Zabaykalsky Krai are introduced into scientific circulation for the first time. Anthroponymic material are the names of Lamkhanov, Nomokonov, Irkhytu, the presence of which in almost all the eleven kins of the Khori-Buryats due to the ethnogenesis of the Buryats including the Tungus-Manchurian components. The article employs the methods of comparative analysis, descriptive method, method of reconstruction of the anthroponymic model, historical method. The study resulted in the arguments in favor of the Even anthroponymic substratum in the name list of the Buryats, written out from the censuses. The analysis of the meaning of the names of Lamkhanov, Nomokonov, and Irkhytu, as well as the lexeme analysis, allowed us to refer these names to the names of the Even origin.

Keywords: *anthroponyms of Even linguistic origin, Lamakhan and Nomokon(ov), Irki / Irkhytu, Khori-Buryats, historical names, State Archive of Zabaykalsky Krai, census.*

Введение. Статья актуализирует проблематику тунгусо-маньчжуроязычного антропонимического субстрата в отдельном своде исторического именника хори-бурят, составленного на основе записей из ревизских описей Государственного архива Забайкальского края за 1850–1851 гг. Целью нашего исследования является описание эвеноязычных личных имен в своде исторического именника хори-бурят.

Актуальность исследуемой проблемы. Изучение исторического именника хори-бурят 11 родов, извлеченного из ревизских описей XVIII–XIX вв., представляет собой весьма ценный ономастический материал. Определение эвенских личных имен в своде имен представляет неисследованную область в исторической ономастике в целом. Является значимым исследование фактов языковой адаптации эвенского имени в плане изменения морфологии и семантики имени.

Материал и методы исследования. Антропонимическим материалом для исследования послужили следующие имена: *Лама* (Зун-Хоацайский род), *Ламанца*, *Баримадъ Ламаевъ*, *Былга Ламаевъ*, *его братья Шулукъ*, *Сулу*, *Сума*, *Манту*, *Укина*, *Дылту* и *Иликсей* (искаж. *Алексей*) с одной и той же фамилией *Ламаевъ*, *Ламахановъ* (Зунь-Харганатский род), *Бунтаръ Ламаевъ*, *Ламаханъ Килогиевъ*, *Ламаханъ* (Бодонгутский род), *Ламахан Осипов* (Хальбинский род) [ГАЗК. Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 1107]. В остальных 7 родах из 11 родов хори-бурят имени *Лама / Ламахан* не выявлено.

В статье использованы методы сравнительно-сопоставительного анализа, описательный, исторический, метод реконструкции антропомодели.

Результаты исследования и их обсуждение. Данные, полученные нами с применением исторического и описательного методов, позволяют выдвинуть следующее предположение об этнонимном происхождении данного личного имени. Мы связываем значение данного имени с одним из названий эвенов – *ламут*. Трансцендентность мышления древних номадов обусловлена первичностью воды (или моря / озера, богатого рыбой), когда этнос номинирует самого себя и свое племя от места их обитания. Известно, что одно из именованый эвенов *ламут* исследователи описывают как «поморцы», «приморские жители», т. е. жители, обитающие (и кормящиеся) вблизи озера Байкал (*Ламу* по-эвенски) и Охотского моря. Номинация по месту их обитания отражена в восприятии эвенов, которые издревле освоили огромные просторы северно-азиатских территорий – от Прибайкалья до Охотского моря. И именно этим, по мнению В. А. Туголукова, В. А. Тураева и др., опосредовано устоявшееся значение этнонима *ламутки* (или экзонимного онима) как «поморцы».

В этногенезе бурят, прежде всего в этнической среде хори-бурят, по причине их территориального соседства с тунгусо-маньчжурскими народами, имеет определенное значение

тезис о наличии эвенского и эвенкийского компонента в сложении бурят [7, с. 74–84]. Существует этнологический бурятский миф о рождении братьев-близнецов Эхэрита и Булагата вблизи Байкала. Имена-эпонимы *Эхэрит* и *Булагат* стали упоминаться предками таких крупных племенных объединений бурят, как эхэриты и булагаты. Эпоним *Хоридой* является именем мифологического предка хори-бурят, который по легенде именно вблизи озера Байкал нашел свою будущую жену в образе лебедицы. От брака Хоридоя и девицы-лебедя родились 11 сыновей, основавших со временем 11 родов хори-бурят.

Помимо бурят, под этническими эвенами можно подразумевать и тунгусов отдельных родов Урульгинской степной думы.

Наше представление об эвенском этноязыковом начале некоторых генонимов тунгусских родов Урульгинской степной думы, таких как *Намяцкий / Намятский* и *Намясинский*, опосредовано как мнением тунгусоведов о значении экзонима *ламут* (от эвенского *лāму* или *наму* ‘море’) [12], [14], [8], так и тем, что соседние якуты называют эвенов *лабаңқа ~ набаңха ~ лабыңха* [12, с. 484]. Связывать тунгусо-маньчжурский аппеллятив *лам-/нам-* ‘вода (море)’ с лексическим значением родового имени *Намяцкий / Намясинский* нерчинских тунгусов возможно в плане концептуального значения родового имени.

К тому же авторы Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков связывают оним *ламут* с эвенским *лāму* ‘море’, что подтверждает нашу гипотезу об эвенском происхождении генонимов *Намяцкий / Намясинский*. А. А. Бурькин относит термин *ламут* к эвенкийским, подразумевая, возможно, общетунгусское начало термина [2, с. 89–96].

Характерный для эвенов-ламутов кочевой образ жизни (см.: [8]), в отличие от бродячих ороchon-эвенков (как прямо указывается в ревизских описях), обусловил их более скорую ассимиляцию в среде других аборигенных племен Сибири. Мы не можем исключать и того, что родовое название *Намяцкий*, как и *Намясинский*, представляет собой экзонимное название. Поэтому разделяем экзоним (т. е. то именование, под которым они известны соседним народам) *ламут* и их самоназвание *эвен*, хотя под этими именованьями подразумевается один и тот же народ – эвены. Эвены как таежные кочевники освоили пространство от Охотского моря до озера Байкал. И поэтому под тунгусами-намятами можно «подозревать» этнических эвенов.

В отношении нашего тезиса об эвенском компоненте в среде хори-бурят приведем данные полевых наблюдений. Так, например, нами зафиксировано детское прозвище *Овон (Овэн)* в среде хори-бурят [ПМА] как детское или семейное имя. Этим именем называла респондента его бабушка. На вопрос, что же означает данное, по-видимому, ласкательное детское имя прозвищного характера, Гомбоев Цыдып Гомбоевич, 1932 года рождения, по национальности хори-бурят, ответил, что, наверное, так называли по причине «высовывания из люльки». На наш взгляд, информант пытался связать значение своего детского семейного прозвища с лексемами бурятского языка *овогор* ‘выпуклый, вздымающийся’, *обойхо* ‘выдаваться над чем-либо; возвышаться’ [3, с. 348].

Однако на самом деле его предком (дедом) по отцовской линии был человек по имени Ламахан Осипов [ПМА], что позволяет нам отнести данное прозвище к полузабытому этнонимному *эвен*, оставшемуся в сознании его бабушки. Среди русскоязычных жителей Забайкалья, имеющих, возможно, тунгусские корни, функционирует фамилия *Ломаев*, что доказывает антропонимическую преемственность.

По сведениям В. А. Туголукова, впервые этноним *ламуты* стал известен из сообщения енисейского служилого человека Посника Иванова, который в 1638 г. о своем походе на Яну (Янгу) писал, что в верховьях этой реки «живут тунгусы именем ламутки» [13, с. 35], а это вблизи Охотского моря.

В. А. Туголуков отмечает, что впервые этноним *ламуты* упоминается в анонимном произведении «Пространное землеописание Российского государства». Тунгусы, которые

названы в этом труде *ламутами*, – это те тунгусы, которые кочевали «вдоль по Охотскому морскому берегу до коряков», и дается толкование этнонима *ламут(ы)* как ‘приморские жители’» [13, с. 37]. Известно, что до Октябрьской революции эвены именовались тунгусами, но по отношению к части восточных групп этого народа употреблялся дополнительный полуофициальный этноним *ламуты*, образованный от слова *ламу* – ‘море’ [13, с. 35]. Из этих сведений, записанных русскими людьми, которым было неважно, как себя называют сами люди или как их называют другие, стало известно экзонимное (прозвищное) название *ламуты*. Однако в этнонимике при этимологизации отдельного племенного или родового имени важно учитывать концептуальную семантику как объективное этимологическое значение онима.

В связи с этим становится возможным выдвинуть иную версию о значении экзонима *ламутки*, восходящего к экзонимному ‘поморцы’.

В дополнение к вышеописанным точкам зрения укажем, что оним *ламуты* может быть связан с другим языком – юкагирским. В юкагирском языке имеется лексема – *лаама* ‘собака’, от которого (или посредством которого), возможно, и образовалось именование *ламут(ы)*, экзонимное происхождение которого доказано историческими фактами, которые мы привели выше.

В этнонимике нередки случаи межъязыковой омонимии, которая обуславливает появление ряда именовании племен. Полагаем, что исходная лексема юкагирского языка была подменена при опросе местного населения колонизаторами и понята как *ламу(ты)*. В этом случае образуется иное значение (от собственно эвенского слова *ламу* ‘море’) и функционирует как вторичное именование. Экзоним *ламутки / ламуты* был записан русскими, что и позволяет выдвинуть несколько отличную от мнения В. А. Туголукова версию.

Известно, что юкагиры – это древнейший северно-азиатский народ, который дал этническую основу многим племенам Сибири и Дальнего Востока. А так называемое «собачье» значение племенного имени согласуется с исторически зафиксированными сведениями о древнем государстве Гоу-Го. Население этого государства, согласно записям иностранных путешественников, являлось песиглавцами, т. е. «собачьим» народом (на рисунках эти люди изображались с собачьими головами). Известно о народе юаньжун, «собачьем народе», под которым можно подразумевать в том числе и *ламутков / ламутов*, т. е. этнических эвенов загадочного «Никанского царства», или государства Гоу-Го [5, с. 41–49].

А. А. Бурькин считает, что в XVIII в. у эвенов формировались так называемые административные роды, состоящие не только из кровных родственников, но и соседей по территории проживания, в основном для уплаты ясака (дани) [1, с. 28–41]. Возможно, что этим обстоятельством и можно объяснить наличие двусоставного генонима тунгусов Нерчинского уезда *Нататско-Намятский*. «Натцы» и «намяты» могли объединиться в целях уплаты ясака. Добавим, что весьма сложно однозначно утверждать об относительной этнической «чистоте» любого племени или рода, что обосновывает нашу гипотезу об экзонимном происхождении этнонима *ламут(ы)*.

В. А. Туголуков пишет: «эвены (*ламуты*) представляют собой северо-восточную ветвь тунгусов и до начала 1930-х годов обычно не выделялись как самостоятельная этническая группа. Этноним *эвены* (самоназвание народа) вообще почти не был известен, а этноним *ламуты* прилагался к эвенам весьма спорадически и не по всем их группам. *Ламутами* в XIX – начале XX в. называли преимущественно камчатских, анадырских и колымских эвенов. Общее же для всех эвенов, как и для эвенков, было название *тунгусы*» [14, с. 155].

С. И. Николаев считает, что «любой эвен, даже из среднего течения р. Яны, до сих пор продолжает называть себя ламутом – “помором”, т. к. он и теперь считает себя жителем

не только Яны, но и Охотского побережья» [10, с. 30]. Очевидно, что определить этническое начало эвенов-ламутов, как и юкагиров-ламутов (известно, что юкагиры обитали в том числе и на берегах реки Яны), весьма сложно. Мы вправе только полагать, что название *ламут(ы)* справедливо как в отношении эвенов, так и юкагиров. Вероятно, это имя представляло собой экзонимное прозвищное именование эвенов и соседствующих с ними (особенно в районе р. Яны) юкагиров, т. к. самоназвание обычно связано с апеллятивом «человек; народ, люди».

В итоге становится очевидным, что под экзонимом *ламуты*, часто подменяющим самоназвание *эвен*, возможно подразумевать и собственно юкагиров или, по крайней мере, близкие к ним в этноязыковом отношении какие-то племена, например, коряков. В труде «История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки» отмечается, что «одним из результатов таких преобразований и стало рождение эвенского этноса, вошедшего в себя значительную часть юкагиров и коряков [8, с. 164].

У Г. М. Василевич род *Намасин* (мн. ч. *Намят ~ Нямят*) определен как группа содержащих верблюдов конных тунгусов, территориально распространенных по всему Нерчинскому уезду. «Название *Намят* нельзя сопоставлять и возводить к одному происхождению со словом *Ламу* (Байкал). Нет ни одного случая, чтобы названием рода был топоним, не оформленный специальным суффиксом. Окончание *-т* в названии обозначает мн. ч.» [4, с. 275–276].

Мы склоняемся к версии о юкагироязычном значении онима *ламутки / ламуты*, что поддерживает мнение Г. М. Василевич о невозможности происхождения именовании *ламутки / ламуты* от названия озера Байкал как Ламу (или Наму).

Фамилии *Лам(а)ханов* и *Номоконов (Номогонов у бурят)* имеются как у бурят, так и у русских с тунгусскими корнями. В 1823 г. в Намяцком роду насчитывалось 260 человек, из которых крещеными были 82 мужские души, некрещеными – 138 душ. По «Списку из окладной книги Нерчинского земского суда» 1828 г. в Намятско-Намясинском роду записано всего 197 человек, в отдельном Намятском – 260. Намятский род находился в ведении Маньковской инородной управы, и ясака с этих 260 душ было собрано 387 рублей. В Шундуинской управе с Намятско-Намясинского рода со 197 душ ясак был собран в размере 321 рубля [ГАЗК. Ф. 55. Оп.2. Д. 4. Л. 1107].

По данным документов от 1858 г., в Намятском роду Шундуинской инородной управы насчитывалось всего 546 человек, из коих крещеными были 278 душ, некрещеными – 268 душ (145 мужчин и 123 женщины). Можно сделать вывод, что крещеная часть тунгусов-намятов (под которыми мы понимаем эвенов) стали «русскими», а некрещеная «превратилась» в хори-бурят, приняв ламаизм.

Ойконим *Номоконово* в Шилкинском районе «говорит» о том, что это селение было «основано» Номоконовыми. В нашем распоряжении имеются архивные документы «Ревизская книга приписанных к заводам крестьян в 1812 г. Стретенской волости Куенского участка Куенской слободы», где указано, например, что много Номоконовых жило в деревнях Размахнинской, Чироновской, Мирсановской и в Апрелковской. Очевидно, что эти ойконимы образовались как поселения крещеных тунгусов, «превратившихся» в русских крестьян, приписанных к нерчинским заводам. Об этом свидетельствуют архивные документы, по которым видно, что в деревне Зубаревской жили только одни Зубаревы, в деревне Котельниковской только Котельниковы, в деревне Сенатрусовой только одни семьи с фамилией Сенотрусовы / Сенатрусовы [6, с. 235–238].

Отантропонимное начало многих ойконимов Забайкалья на основе изученных архивных документов по тунгусам Урульгинской степной думы позволяет высказать мнение о том, что крещеные тунгусы, получившие русские фамилии, продолжали жить уже, разумеется, не родовыми сообществами, а попросту большими семьями. Эти большие

семьи, как видно из документов, состояли из братьев с одним общим предком по мужской линии, от которого и имели одну и ту же фамилию.

Еще одним любопытным именем эвенского происхождения мы считаем весьма распространенное личное имя хори-бурят *Ирки* / *Иркиевъ* (Кубдунский род), *Иркыту* / *Иркытуевъ* и *Иркиевъ* (Галзунский род), *Ирки*, *Иритхы* (Харганатский род), *Иритхы* (Зунь-Хоацайский род), *Иркыту* (Барунь-Хоацайский), *Иркыту*, *Иринтьев* (Цаганский род), *Иркыту* (Хальбинский род), много имен *Иркыту* (Бодонгутский), т. е. в разных вариантах данное имя записано во всех 11 родах хори-бурят за ревизию 1850–1851 гг. [ГАЗК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 17598. Л. 979].

Принято считать, что значение имени *Эрхэто* (вероятно, от исторического *Иркыту*) объясняется бурятским *эрхэ* ‘нежный, капризный’, интерпретируемым вплоть до значения ‘власть имеющий’ [см. 3, с. 773]. В этом случае нарушается принцип номинации, т. к. отсутствует мотивирующий признак имени собственного. Поэтому данное толкование имени не оправдано и иллюстрирует межъязыковую омонимию, обусловленную желанием объяснить значение имени средствами конкретного языка. Исходя из лексики монгольских языков, невозможно объяснить значение исторических имен типа *Ирки* или *Иркыту* как личных имен бурят согласно общепринятым принципам номинации.

Предпочтительна иная версия, версия субстратного происхождения имени *Ирки* / *Иркыту*, которое посредством бурятского языка приобрело свое вторичное значение и трансформировалось лексически в бурятском языке до формы *Эрхэто* / *Эрхито* / *Эрхитуев*.

Данное имя относим к эвенским, объясняя его происхождение от личного имени эвенов *Иркинэр* и *Иркэн* со значением ‘олень (дикий) в период выпадения рогов’ [11, с. 188]. В Эвенкийско-русском словаре Г. М. Василевич лексема *ирки* «1. дикий олень (летне-осеннее название); 2. молодец (в песне)» [15, с. 177] образует со словом *ирэ* ‘дикий олень; лось’ лексическое гнездо, что подтверждает общетунгусское начало слов, именующих оленя. Обращаем внимание на то, что некоторые записанные в ревизиях имена хори-бурят совпадают с эвенскими именами, а именно *Ирки* / *Иркиевъ*, *Иритхы*, *Иринтьевъ*, основа которых сопоставима со словами *ирки* и *ирэ*.

Между тем форма имени *Иркыту* – это уже бурятизированный вариант исходного эвенского имени, позже превратившаяся в *Эрхэто* / *Эрхэтуев* / *Эрхитуев*. Если принимать во внимание общеономастические принципы номинации, которые имеют в антропонимике свои правила, то вполне естественно ожидать от тунгусо-маньчжуроязычных народов аналогичного принципа имянаречения благопожелательными именами с подобного рода семантикой, что согласуется с антропонимическими моделями у автохтонных народов Сибири. Известно, что этнографическая антропонимическая модель основана на традиционных, в том числе и у тунгусо-маньчжурских народов, принципах имянаречения, в соответствии с которыми имена являлись названиями представителей животного мира, ассоциировавшихся с разными личностными качествами, которыми в будущем должен был обладать человек (смелость, ловкость, ум и т. д.) [9, с. 241–246].

Изученные морфология и, что наиболее значимо, значение личных имен с опорой на лексикографические источники и историко-этнографические данные, архивные документы позволяют отнести эти имена – *Лама* / *Ламахан(ов)*, *Номокон(ов)* и *Иркыту* – к именам эвенского происхождения не только потому, что они не лексикализированы как тибет-монгольские имена, но и поскольку представляют собой имена с «затемненной семантикой». Было выявлено, что данные имена имеют лексические аналоги в эвенском языке, обнаруживая тем самым наличие архаичных антропонимических моделей. Например, вполне естественным было называть ребенка / человека лексемой «олень», «бык» или «волк», что относится к системе архаичной культуры [16]. Также и имена, образованные от этнонимно-экзонимных имен, представляют собой древний номинативный принцип имянаречения.

Выводы. Таким образом, исследование субстратного антропонимикона хори-бурят способствует доказательности тезиса об участии тунгусо-маньчжурских народов, в частности эвенов, в этногенезе хори-бурят. Кроме того, наличие собственно эвенских личных имен в историческом именнике хори-бурят иллюстрирует положение об актуальности изучения антропонимикона с позиций сравнительно-сопоставительного и типологического языкознания в целом.

МАТЕРИАЛЫ И ИСТОЧНИКИ

1. Забайкальское областное правление. Перепись кочевых инородцев Иркутской губернии Нерчинского округа. 1850–1851 гг. // ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1о. Оп. 1. Д. 17598. Л. 979.
2. Кужертаевская; Налоговые документы. Сведения о родившихся и умерших. Материалы об избрании заседателей в Думу. Ведомости об оспопрививании, состоянии хлебозапасных магазинов, взыскании долгов. Материалы по уголовным преступлениям // ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 55. Оп. 2. Д. 4. Л. 1107.
3. ПМА (Полевые материалы автора). 2010. Информант Гомбоев Цыдып Гомбоевич, 1932 г. р., с. Буртуй Читинской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурькин А. А. Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера: к проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности языковых и социокультурных процессов // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока. Проблемы сохранения и развития языков. – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – С. 28–41.
2. Бурькин А. А. Эвенкийский географический термин ЛАМУ ‘море’ в русских сибирских документах середины XVII в. // Лингвистический ежегодник Сибири. Вып. 2. – Красноярск, 2000. – С. 89–96.
3. Бураяд-оруд словарь = Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов. – М.: Советская энциклопедия, 1973. – 804 с.
4. Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
5. Жамсаранова Р. Г. Онимы Нелюдский острог (Нерчинский острог), Никанское царство и государство Гоу-Го в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2014. – Вып. 2(4). – С. 41–49.
6. Жамсаранова Р. Г. Тунгусы князя Гантимура : в 2 ч. Ч. 1. – Чита : ЗабГУ, 2018. – 251 с.
7. История Бурят-Монгольской АССР / под ред. А. П. Окладникова : в 2 т. Т. 1. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1951. – 574 с.
8. История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки / отв. ред. В. А. Тураев. – СПб.: Наука, 1997. – 184 с.
9. Малиновская С. М., Райская Л. М. Мотивационные признаки в древнеселькупском антропонимиконе // Вестник Сибири. – 2012. – № 5(6). – С. 241–246.
10. Николаев С. И. Эвены и эвенки юго-восточной Якутии. – Якутск : Якуткнигоиздат, 1964. – 202 с.
11. Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири (историко-этнографический обзор и именник). – Якутск : Якутское книжное издательство, 1985. – 199 с.
12. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В. И. Цинциус : в 2 т. Т. 1. – Л.: Наука, 1975. – 672 с.
13. Туголуков В. А. Тунгусы и ламуты на северо-востоке Сибири // Этническая ономастика / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. А. Никонов. – М.: Наука, 1984. – С. 35–38.
14. Туголуков В. А. Эвены // Этническая история народов Севера. – М.: Наука, 1982. – С. 129–154.
15. Эвенкийско-русский словарь / сост. Г. М. Василевич. – М.: Государственное изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 802 с.
16. Tamás Farkas. Creating a national given-name stock: A chapter from the modern-day history of Hungarian personal names // Name and naming : Proceedings of the Fourth International Conference on Onomastics. – Cluj-Napoca, 2017. – P. 137–146.

Статья поступила в редакцию 09.11.2020

REFERENCES

1. *Burykin A. A.* Dinamika yazykovej situacii, funkcionirovanie pis'mennosti i etapy evolyucii etnicheskikh kul'tur malochislennykh narodov Severa: k probleme vzaimosvyazi i vzaimoobuslovennosti yazykovykh i sociokul'turnykh processov // *Malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka. Problemy sohraneniya i razvitiya yazykov.* – SPb. : ILI RAN, 1997. – S. 28–41.
2. *Burykin A. A.* Evenkijskij geograficheskij termin LAMU 'more' v russkikh sibirskikh dokumentah serediny XVII v. // *Lingvisticheskij ezhegodnik Sibiri. Vyp. 2.* – Krasnoyarsk, 2000. – S. 89–96.
3. *Buryaad-orod slovar' = Buryatsko-russkij slovar' / sost. K. M. Cheremisov.* – M. : Sovetskaya enciklopediya, 1973. – 804 s.
4. *Vasilevich G. M.* Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.). – L. : Nauka, 1969. – 304 s.
5. *Zhamsaranova R. G.* Onimy Nelyudskij ostrog (Nerchinskij ostrog), Nikanskoe carstvo i gosudarstvo Gou-Go v aspekte civilizacionnykh processov Severnoj Azii // *Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i an-tropologicheskikh issledovanij.* – 2014. – Vyp. 2(4). – S. 41–49.
6. *Zhamsaranova R. G.* Tungusy knyazya Gantimura : v 2 ch. Ch. 1. – Chita : ZabGU, 2018. – 251 s.
7. *Istoriya Buryat-Mongol'skoj ASSR / pod red. A. P. Okladnikova : v 2 t. T. 1.* – Ulan-Ude : Burmangiz, 1951. – 574 s.
8. *Istoriya i kul'tura evenov. Istoriko-etnograficheskie ocherki / otv. red. V. A. Turaev.* – SPb. : Nauka, 1997. – 184 s.
9. *Malinovskaya S. M., Rajskeya L. M.* Motivacionnye priznaki v drevnesel'kupskom antroponimikone // *Vestnik Sibiri.* – 2012. – № 5(6). – S. 241–246.
10. *Nikolaev S. I.* Eveny i evenki yugo-vostochnoj Yakutii. – Yakutsk : Yakutknigoizdat, 1964. – 202 s.
11. *Safronov F. G.* Dohristianskie lichnye imena narodov Severo-Vostoka Sibiri (istoriko-etnograficheskij obzor i imennik). – Yakutsk : Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1985. – 199 s.
12. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovarju / otv. red. V. I. Cincius : v 2 t. T. 1.* – L. : Nauka, 1975. – 672 s.
13. *Tugolukov V. A.* Tungusy i lamuty na severo-vostoke Sibiri // *Etnicheskaya onomastika / otv. red. R. Sh. Dzharylgasimova, V. A. Nikonov.* – M. : Nauka, 1984. – S. 35–38.
14. *Tugolukov V. A.* Eveny // *Etnicheskaya istoriya narodov Severa.* – M. : Nauka, 1982. – S. 129–154.
15. *Evenkijsko-russkij slovar' / sost. G. M. Vasilevich.* – M. : Gosudarstvennoe izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1958. – 802 s.
16. *Tamás Farkas.* Creating a national given-name stock: A chapter from the modern-day history of Hungarian personal names // *Name and naming : Proceedings of the Fourth International Conference on Onomastics.* – Cluj-Napoca, 2017. – P. 137–146.

The article was contributed on November 9, 2020

Сведения об авторе

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна – доктор филологических наук, профессор кафедры китайского языка Забайкальского государственного университета, г. Чита, Россия; e-mail: rebecca_zab@mail.ru

Author information

Zhamsaranova, Raisa Gandybalovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Chinese Language, Transbaikal State University, Chita, Russia; e-mail: rebecca_zab@mail.ru